

Фан Юй даже забросил собственные стримы: он с головой ушел в роль онлайн-зрителя, с упоением обсуждая происходящее с толпой фанатов. В свои двадцать девять лет он настолько вошел во вкус, что его популярность не спадала ни на минуту.

На стриме Цзян Е было куда тише. Согласно правилам программы, каждый гость обязан был проводить в эфире не менее двух часов перед сном. Поэтому добросовестный Цзян Е прилежно просидел в своей комнате два часа, играя в видеоигры, и при этом не произнес ни единого слова. Если бы не динамичные кадры сражений и его пальцы, с пугающей грацией порхавшие по клавиатуре, его стрим, вероятно, пустовал бы.

Что касается Шэнь Жаньсинь и Лу Чжи, то их камеру Лу Чжи вскоре снова накрыл, погрузив всё в темноту. Впрочем, на этот раз он, видимо, осознал, что устройство записывает звук, поэтому не стал чудить и, перекинувшись с Шэнь Жаньсинь парой фраз, просто выключил свет и лег спать.

Пока остальные участники из кожи вон лезли, чтобы поднять рейтинги, эта парочка просто завалилась спать. Зрители, затаившиеся на их стриме в надежде на романтические моменты, пришли в ярость.

— Твою ж мать, я отпахал целый день и жертвую сном, чтобы посмотреть на вашу милоту, а вы просто берете и отрубаетесь?

— Все остальные горбатятся ради популярности, а эти — ну просто лентяи, пальцем о палец не ударят!

— Другие пары хоть рейтинги поднимают, а эти — только давление. Предлагаю называть их парой Раздражителей.

— Ты что, бессмертный, раз так метко придумываешь названия?

— Видимо, их уже так запугали, что если еще пару раз прикроют, то и шоу не спасти!

— Режиссер Чэнь: это Лу Чжи несет чушь, это пользователи пишут пошлости, почему в итоге страдаю я?!

Тем временем в стриме Гу Ифэя собралась толпа льстецов. Весь вечер они так расхваливали его, что у того чуть хвост не вырос. В итоге он непонятно откуда вытащил электрогитару, решив приобщить фанатов к прекрасному.

Его «жертва», Чэн Чэн, в этот момент как раз наносил маску на лицо. Услышав звуки, напоминающие распиливание стола, он вздрогнул так, что маска на его лице пошла трещинами. Повернувшись, он одарил Гу Ифэя вежливой, но ядовитой улыбкой:

— Учитель Гу, я знаю, что ваша любовь к музыке подобна бушующей реке, но не кажется ли вам, что сейчас не самое подходящее время?

Гу Ифэй приподнял бровь:

— С чего бы это? Я исполняю Двенадцать ночей Шопена, для такой тихой ночи самое то!

Чэн Чэн всегда поддерживал имидж милого и дружелюбного младшего брата. Даже несмотря на то, что в душе он уже готов был растерзать Гу Ифэя, он продолжал улыбаться и безжалостно припечатал:

— Шопен был пианистом, он не играл на электрогитаре... К тому же, у него нет произведения под названием Двенадцать ночей.

Гу Ифэй остался непреклонен:

— Кто сказал, что нет? Он прямо сейчас играет.

Улыбка на лице Чэн Чэна окончательно сползла:

— Только не говори мне, что ты и есть Шопен.

— Скромно замечу, что я — восходящая звезда музыкального мира, известный как гениальный маленький Шопен.

— ... — Чэн Чэн помолчал, а затем произнес: — Я настоятельно советую тебе этого не делать.

— Никто не остановит мою тягу к искусству! — Гу Ифэй обнял электрогитару и заголосил: — Давай, со мной! Умереть — хочу от любви! Неистово! До боли!

— Внимание, высокий уровень шума, берегите уши.

— Спасибо за предупреждение, экстренно выключил колонки.

— Мне кажется, Чэн Чэн сейчас сломается.

— Поверь, сломается не только он.

Звукоизоляция в вилле была неплохой, но вопли Гу Ифэя были выше любых физических преград. Это была магия высшего порядка, пробивающая любую защиту: весь свет в доме вспыхнул одновременно.

В тишине ночи дверь комнаты Шэнь Жаньсинь распахнулась, и чья-то фигура, словно вихрь, вылетела наружу, с ноги выбив дверь в комнату Гу Ифэя. Крепкая дверь с грохотом рухнула.

Гу Ифэй, застывший с гитарой в руках, в ужасе уставился на черную тень в дверях. Казалось, чья-то невидимая рука сжала его горло, не давая дышать. Чэн Чэн молча надел тапочки, быстро достал из сумки беруши и заткнул уши.

— Кто... позволил тебе... мешать мне спать? — Шэнь Жаньсинь выдохнул и, не сводя глаз с Гу

Ифэя, медленно произнес эти слова.

— Сюда бы спецэффект с красными глазами для Шэнь Жаньсиня.

— Хотя поведение Гу Ифэя и правда бестактно, Шэнь Жаньсинь перегнул палку. Кто будет платить за сломанную дверь?

Гу Ифэй сглотнул и, набравшись смелости, пробормотал:

— Я просто репетировал у себя в комнате, что такого...

Не успел он закончить, как в дверях показался еще один силуэт. Лу Чжи с серебристыми волосами возник словно из ниоткуда. У него в ушах тоже были беруши, а в руках он держал стальной тазик и половник, которые тут же протянул Шэнь Жаньсиню.

— Учитель Шэнь, специально ходил на кухню.

Шэнь Жаньсинь схватил тазик и половником с размаху ударил прямо у уха Гу Ифэя! Тот почувствовал, как завибрировали барабанные перепонки, а в глазах потемнело.

— Хочешь репетировать в полночь? Отлично, я тебе помогу. — Шэнь Жаньсинь, не переставая колотить по тазу, погнался за Гу Ифэем. — Сейчас я исполню тебе Цзя Баоюй в храме горного духа! Или Линь Дайюй опрокидывает Лу Чжишэня!

Гу Ифэй, закрыв голову руками, в панике метался по комнате, обливаясь слезами.

— Шэнь Жаньсинь, ты спятил?! Ты больной?!

Шэнь Жаньсинь не унимался:

— Что такое, учитель Гу? Есть какие-то замечания к моему исполнению?!

У Гу Ифэя кружилась голова, казалось, перепонки вот-вот лопнут. Он взмолился:

— Нет-нет, я больше не буду! Хватит, пожалуйста!

— Клянись! — потребовал Шэнь Жаньсинь. — Клянись, что навсегда уйдешь со сцены!

Гу Ифэй вытаращил глаза и сквозь слезы прохрипел:

— Шэнь Жаньсинь, не будь таким жестоким!

Видя, что Шэнь Жаньсинь собирается продолжить экзекуцию, Лу Чжи наконец шагнул вперед и обхватил его со спины. Он был настолько крупнее, что без труда заключил Шэнь Жаньсиня в объятия. Потирая пальцами его виски, Лу Чжи тихо произнес:

— Ладно, довольно. Если доведешь человека до сотрясения мозга, придется платить штраф.

Услышав про деньги, Шэнь Жаньсинь немного остыл, хотя всё еще сверлил Гу Ифэя красными от ярости глазами. В конце концов Лу Чжи, полууговорами, полусилой, утащил его обратно и захлопнул дверь.

Гу Ифэй, весь в слезах и соплях, сидел на полу рядом с рухнувшей дверью, мелко дрожа. Шэнь Жаньсинь — это просто кошмар!

Подошел Чэн Чэн и протянул ему салфетку:

— Я же предупреждал.

— У него что, психическое расстройство? — обиженно всхлипнул Гу Ифэй. — Он был такой страшный, у-у-у...

Чэн Чэн потянулся, не проявив ни капли сочувствия к хрупкому омеге, и принялся чинить дверь:

— У Шэнь Жаньсиня очень тяжелый характер по утрам, вернее, после пробуждения. Последствия того, что ты помешал ему спать, очень серьезные.

Гу Ифэй немного поплакал и спросил:

— А Лу Чжи... он не слишком опасен?

Лицо Чэн Чэна потемнело, он отвернулся и больше не проронил ни слова.

После этого «небольшого инцидента» Гу Ифэй больше не помышлял о том, чтобы петь о любви до смерти. Он молча привел себя в порядок и лег спать.

На следующее утро, выйдя из комнаты, он нос к носу столкнулся с Шэнь Жаньсинем, который жил напротив. Гу Ифэй невольно съежился, ожидая, что сейчас прилетит удар. Но Шэнь Жаньсинь, казалось, начисто забыл о вчерашнем скандале. Он с сияющей улыбкой пожелал ему доброго утра и поинтересовался, что тот хочет на завтрак.

<http://bllate.org/book/22429/2355130>